

М.Ю. Сорокина

И.Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (1904–1969):
К ИСТОРИИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В СССР

Повсюду гость и чуженин,
И с Музой века безземлен.
*Вяч. Иванов*¹

9 июля 1955 г. главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев направил директору Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР профессору И.И. Анисимову указание: «Президиум Академии наук СССР считает целесообразным зачислить Илью Николаевича Голенищева-Кутузова на работу в Институт за счет имеющихся <...> вакантных должностей»².

Можно было бы посчитать этот документ частью рутинной советской практики «назначения сверху», если бы не одно обстоятельство — филолог-славист, поэт, переводчик и литературный критик Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969)³ был «возвращенцем», то есть бывшим эмигрантом, покинувшим Россию после большевистской революции 1917 г. и более тридцати лет жившим в Европе, преимущественно в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия / Федеративной народной республике Югославия. Москва и престижный академический институт вместо высылки в Казахстан или Среднюю Азию, а то и вовсе в дальние лагеря, приготовленные сталинской властью для многих «возвращенцев» второй половины 1940-х гг., — такой внешне благополучный финал скрывал многолетние безуспешные попытки ученого, убежденного антифашиста, партизана и члена Союза советских патриотов вернуться на историческую родину.

Потомок старинного русского дворянского и графского рода, известного с XIII в., правнучатый племянник генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова (1745–1813), сын полковника Отдельного корпуса жандармов, выпускник, а затем и преподаватель Белградского университета, доктор наук после защиты диссертации в парижской Сорбонне в 1933 г., собеседник и друг Вяч. Иванова, Вл. Ходасевича и других известных русских литераторов И.Н. Голенищев-Кутузов, казалось, был обречен на вполне традиционную профессиональную карьеру «филологического» профессора и даже «эмигрантский след» не мог бы ее обвалить⁴.

¹ [Иванов 1979, т. 3, с. 508].

² АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 1136. Л. 30.

³ Варианты транслитераций фамилии: Golenichtchev-Koutousov, Golenishchev-Kutuzov, Golenisev-Kutuzov, Golenistcheff-Koutousoff, Goleniščev-Kutuzov, Golenichtchev-Koutousov.

⁴ В 1929 г. И.Н. Голенищев-Кутузов принял подданство КСХС.

Университетско-академический и королевский Белград, куда молодой Голенищев-Кутузов добрался с родителями к осени 1920 г. через Софию и Вену, был весьма благосклонен к русским ученым-беженцам межвоенного периода. Это объяснялось не только близостью, а нередко и переплетением языков, вер, историко-культурных традиций, научных школ и элит, персональных связей и т. п., но и трансформацией коммуникативной среды европейской науки данного периода, в рамках которой почти одновременно активно заявили о себе и российское национальное научное сообщество, и масштабный славянский научный мир. Их взаимодействие охватывало прежде всего гуманитарные науки, и в первую очередь — славистику. Недаром еще до 1917 г. среди избранных в разные категории членов Сербской королевской академии наук были многие известные русские ученые (Ф.И. Буслаев, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский и др.).

И.Н. Голенищев-Кутузов. 1950-е гг.

В то же время славистика, или комплексная наука, изучающая языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру славянских народов, пережила в начале XX в. немало драматических взлетов и падений, связанных с распадом европейского имперского пространства после Первой мировой войны (Австро-Венгрия, Российская империя, Османская империя) и образованием новых славянских государств (Чехословацкая Республика, КСХС / Королевство Югославия и др.), имевших собственную, нередко весьма отличную от западноевропейских стран, геополитическую и культурно-образовательную повестку дня. В этих условиях важнейшей практической проблемой славистического сообщества стали коммуникационные стратегии — персональные, дисциплинарные, национальные.

Как работали эти стратегии на примере российской славистической элиты подробно проанализировано в монографиях и статьях М.А. Робинсона, Л.П. Лаптевой, В.М. Алпатов и многих других авторов [Алпатов 1994; Робинсон 2004; Лаптева 2012], которые на большом фактическом материале показали тесную связь и влияние политики, идеологии и науки в условиях становления советского режима. В отдельной главе, посвященной ученым-эмигрантам, М.А. Робинсон отмечает, что основная часть русской филологической элиты осталась на родине, а «эмиграция академиков Кондакова и Францева, а также нескольких членов-корреспондентов — явление скорее исключительное, хотя некоторые из их коллег также серьезно помышляли об отъезде» [Робинсон 2004, с. 191].

Между тем потери славистического сообщества были одними из самых значительных в постреволюционной науке. Российская славистика, представленная в начале XX столетия плеядой имен блестящих специалистов разных поколений — от Александра Погодина (1872–1947) и Владимира Францева (1867–1942) до Романа Якобсона (1896–1982) и Петра Богатырева (1893–1971), — оказалась прямо и непосредственно, институционально и персонально затронута событиями русской революции и Гражданской войны. Только в эмиграцию ушли и достаточно благополучно для научных специалистов своего статуса устроились: в Чехословакии — П.П. Богатырев, С.Г. Вилинский, Н.П. Кондаков, В.А. Погорелов, Н.Л. Окунев, А.В. Флоровский, В.А. Францев, Н.В. Ястребов, Р.О. Якобсон и др.; в Болгарии — М.М. Попруженко, П.М. Бицилли; в Германии — Ф.А. Браун и М. Фасмер; в Финляндии — С.К. Булич; в КСХС — С.М. Кульбакин, А.Л. Погодин, Е.В. Аничков, А. Исаченко, Н.М. Бубнов, В.А. Мошин, А.В. Соловьев, Ф.В. Тарановский и др.; в Австрии — Н.С. Трубецкой и многие другие. И это лишь краткий перечень специалистов без учета украинских и белорусских славистов, а также византистов широкого профиля (как, например, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский и др.).

Напомним также, что судьба многих оставшихся на родине выдающихся славистов (М.С. Грушевского, В.В. Виноградова, В.Н. Бенешевича, К.В. Харламповича, Н.Н. Дурново и ряда других) была трагичной — репрессированные по надуманным поводам, некоторые из них безвинно погибли, а другие так и не смогли оправиться после травмы ареста и заключения. Развернувшееся в 1933 г. «Дело славистов», или «Российской национальной партии», по видимости бессмысленно и несистемно втянувшее в себя, с одной стороны, известных филологов, искусствоведов, этнографов, а с другой, — агрономов и зоотехников из украинских крестьян, стало своего рода кульминацией чекистской шпиономании эпохи «великого перелома», в которой понятия «славист» и «националист» причудливо слились.

Совсем по-иному сложились профессиональные карьеры славистов, да и других научных экспертов в КСХС. Несмотря на сложности адаптации к новому языковому и культурному ландшафту, практически все из них нашли вполне достойное место в новой, эмигрантской, жизни. Неслучайно первым из россиян членом-корреспондентом Сербской академии наук был избран еще в 1921 г. филолог-славист Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941), буквально в момент своего выезда из России в 1919 г. ставший членом-корреспондентом Российской академии наук. Его избрание было во многом обязано многолетней дружбе и сотрудничеству с профессором Александром Беличем (1876–1960). Но и те русские научные специалисты, которые до 1917 г. не обладали личными связями в Балканских странах, сумели успешно интегрироваться в новую научную среду — только до Второй мировой войны членами Сербской королевской академии наук разного статуса было избрано восемь русских научных специалистов-беженцев; еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX в., получили признание в академии после Второй мировой войны. Ни одна другая европейская или североамериканская академия наук этого периода не открыла так широко свои двери русским ученым-беженцам, тем самым выразив корпоративную солидарность и поддержку изгнанникам со стороны югославянского научного сообщества.

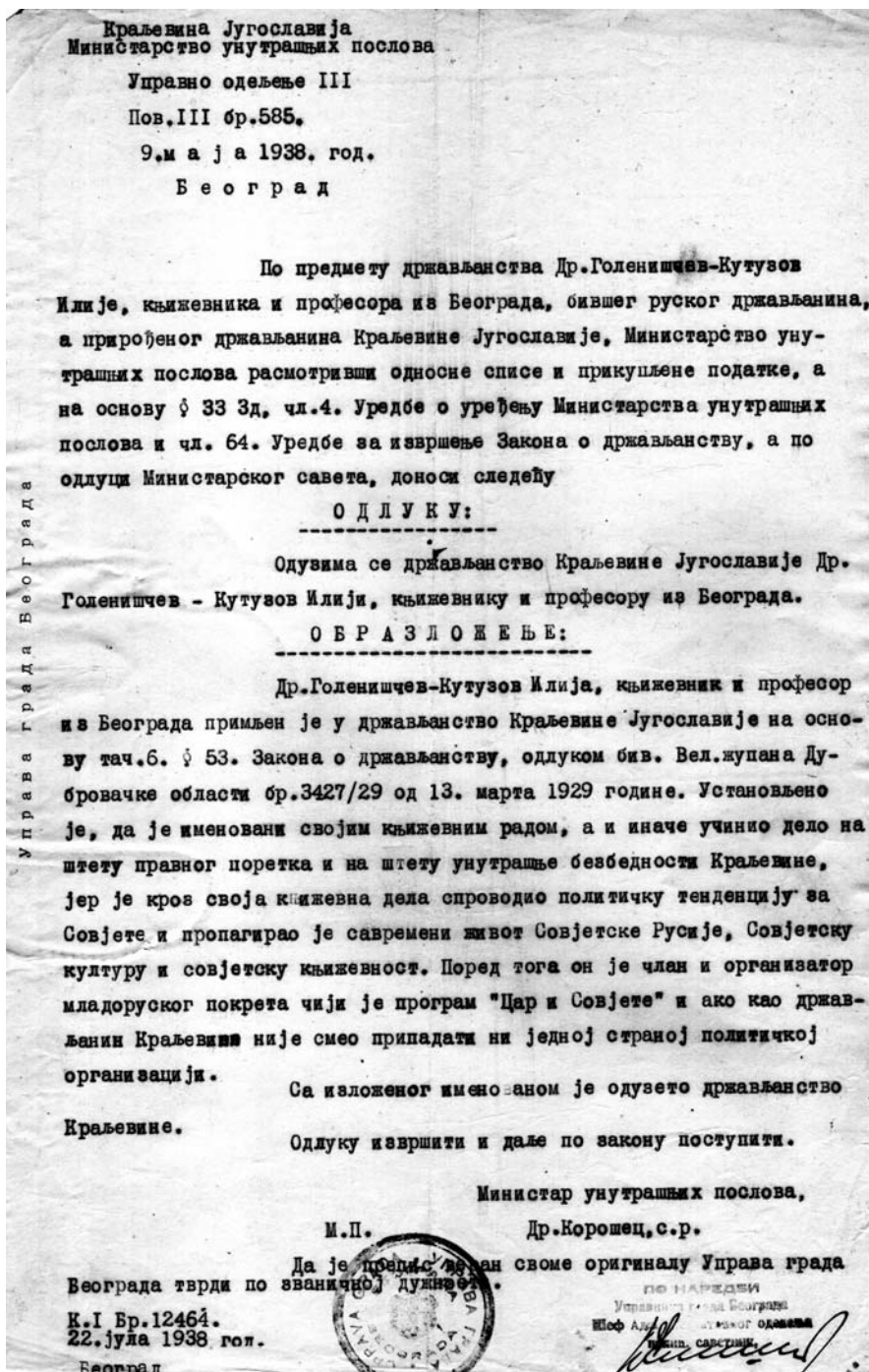
В отличие от представителей иных профессиональных групп русской эмиграции (военных, например), именно ученые, в том числе и прежде всего слависты широкого профиля, сумели преодолеть известный диаспоральный изоляционизм и были приняты местными научными сообществами в Белграде, Любляне, Загребе и других городах, с которыми достаточно быстро нашли общий язык и смогли профессионально интегрироваться, продолжая научные исследования наравне или даже превосходя свои достижения в России. В то же время наличие югославянского подданства, без которого высокий профессиональный статус в КСХС для эмигрантов был просто невозможен, не мешало сохранению персональной русской культурной идентичности.

Многие представители второго поколения русских беженцев в КСХС (И.Н. Голенищев-Кутузов, Н.И. Толстой, К.В. Мартино, О.С. Гребенщиков и др.), которые росли уже в общественной и интеллектуальной атмосфере новой страны пребывания, получили в королевстве образование, научный статус и контакты, но безусловно идентифицировали себя с русской культурой. Эта двойственность была заметной и нескрываемой и нередко перерастала в позитивное отношение к СССР. Так, весной 1938 г. приват-доцента Белградского университета Голенищева-Кутузова арестовали в Белграде, лишили югославского подданства и уволили с государственной службы с однозначной формулировкой: «Своей литературной деятельностью пропагандировал Советы, советскую литературу, советскую культуру и жизнь советской России»⁵. И хотя довольно быстро, в сентябре 1939 г., ему удалось восстановить свой прежний статус, с приходом Второй мировой войны в Югославию, в конце 1941 г., Голенищев-Кутузов вновь оказался за решеткой — на этот раз как заложник в фашистском концлагере «Баница». Между этими двумя арестами, с 1940 г., ученый дважды безуспешно пытался вернуться на родину, но только в августе 1946 г. получил советский паспорт, что, однако, ничуть не приблизило его к цели.

Нам уже не раз приходилось писать об отдельных эпизодах возвращения русских ученых-беженцев и «невозвращенцев» в Россию / СССР [Сорокина 2004; 2005; 2006; 2007]. Если в 1920–30-е гг. этот поток был незначительным, то после Второй мировой войны он заметно усилился. Архивные документы убедительно свидетельствуют, что главное слово в решении вопроса о возможности приезда научного специалиста-эмигранта в СССР принадлежало не партийно-государственной власти, а советской научной элите, прежде всего в лице ее ведущих академических администраторов. Если до войны негативные ответы превалировали, то после нее советское научное сообщество заметно изменило свое отношение к зарубежным ученым-соотечественникам.

Наша статья посвящена краткому обзору событий, предшествовавших и сопровождавших первые годы пребывания И.Н. Голенищева-Кутузова в СССР после его возвращения в 1955 г. Случай Голенищева-Кутузова довольно неожиданно показывает, как часть советской партийно-государственной и научной элиты не

⁵ АЮ. Ф. 66. Оп. 676. Д. 1130. Документ выявлен профессором И. Антанасиевич (Белград), которой выражаем свою признательность. Перевод цитаты документа — ее же.

Постановление Министерства внутренних дел о лишении И.Н. Голенищева-Кутузова подданства Королевства Югославия. 1938. Архив Югославии

только способствовала его приезду на родину, но и боролась за восстановление ученого в полноценном научном статусе, соответствующем его научным заслугам. Очень и очень многое в этой истории остается пока неизвестным и непроясненным, тем не менее новые архивные материалы существенно восполняют фактические лакуны и открывают новые перспективы в исследованиях социальной истории, и советской науки, и российского научного зарубежья.

ЗА СЦЕНОЙ: «ТРЕТИЙ ПУНКТ»

Возвращенческая тема широко присутствует в современной российской академической историографии преимущественно на материале деятелей искусства, прежде всего писателей (М. Горький, С.С. Прокофьев, М.И. Цветаева, А.Н. Толстой, Д. Святополк-Мирский, А.И. Куприн и др.), а также в контексте проблемы репатриации перемещенных советских граждан после окончания Второй мировой войны [Арзамаскин 2001; Земсков 2016; Полян 1996]. В то же время она занимает одно из центральных мест в эмигрантской мемуарной литературе, предлагая как важнейший фактический материал, так и ее интерпретацию в диапазоне от «клюнувших на сталинскую пропаганду» и / или «заманенных Сталиным» до «пути к правде» [Кривошеина 2004; Толстая 2015; Угримов 2004; Шостаковский 1960].

Почти не замеченный В.С. Варшавским и Г.П. Струве в их знаменитых книгах о русском литературном зарубежье [Варшавский 2010; Струве 1996], возможно, как раз из-за его «советского патриотизма», И.Н. Голенищев-Кутузов принадлежал к поколению «детей» белой русской эмиграции. Выросшее в условиях зарубежья, оно, по выражению другого выдающегося слависта — академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996), «винуло» своих отцов: «Мы родились русскими, мы чувствуем себя русскими, но мы лишены России». «Мы жадно всматривались во все, что здесь происходило, все, что долетало до эмиграции, — вспоминал Никита Ильич. — Мы понимали, что Россия не умерла, а большинство эмиграции заявляло, что Россия кончилась в 17 году или в 18-м, что уже нет России, есть Совдепия. Вот эта терминология сейчас тоже в моде, мы не принимали этой староземигрантской, как мы говорили, терминологии» [Толстая 2015, с. 275].

Несомненно, И.Н. Голенищев-Кутузов разделял чувства и взгляды молодого Никиты Толстого. Еще в октябре 1920 г., почти сразу после приезда в КСХС, он отказался поступить в <Киево>-Одесский кадетский корпус, куда был уже принят на казенный счет⁶. «Жандармские паничи» — так нередко называли кадетов этого военно-учебного заведения, известных своим глубоко промонархическим настроением. После неудачной эвакуации из Одессы они к апрелю 1920 г. собрались в сербском городке Панчево, и отказ присоединиться к ним, мотивированный интересом к филологии, был знаковым, уже в то время обнаруживая не только

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 178. Л. 57. Документ выявлен Н.А. Ёхиной, которой приносим благодарность.

интеллектуальную самостоятельность молодого Голенищева-Кутузова, но и его независимость в выборе ценностных приоритетов.

Как упоминалось выше, дважды на протяжении 1940 г. ученый обращался за советским паспортом — в полпредства СССР в Софии и Белграде и дважды получал отказ. Только после окончания Второй мировой войны и серии встреч И. Броз Тито с И.В. Сталиным в мае–июне 1946 г. появился указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии»⁷ — один из девяти законодательных актов, изданных в ноябре 1945 — мае 1947 г. для регламентации возвращения русских эмигрантов из Китая, Японии и Европы (Болгарии, Франции, Югославии, Чехословакии, Бельгии).

Принятию указа предшествовала значительная подготовительная работа посольства СССР в Югославии по оценке положения русских эмигрантов в этой стране. Ее результаты были изложены в докладной записке «О русской белой эмиграции в Югославии», подписанной послом СССР в Югославии И.В. Садчиковым и содержавшей весьма необычное описание ситуации⁸. В направленной на имя наркома иностранных дел В.М. Молотова 27 ноября 1945 г. записке отмечалось, что на территории Югославии оставалось свыше 12 000 русских эмигрантов. В удивительно благожелательном по отношению к ним тоне советские дипломаты утверждали, что подавляющее большинство эмигрантов в прошлом не принадлежало к каким-либо политическим или военным белоэмигрантским формированиям, что мало соответствовало реальности. Более того, заявлялось, что «основная масса проживающих в настоящее время на территории Югославии русских эмигрантов изменила свое отношение к советскому государству, став на патриотические позиции. Причем часть эмигрантов изменила свое отношение к Советскому Союзу еще до начала Второй мировой войны, но, не будучи в состоянии принять непосредственное участие в войне в рядах Красной армии, включилась в ряды народно-освободительного движения Югославии, а впоследствии и Красной армии, вступившей на территорию Югославии». Посольство предлагало амнистировать и разрешить возвратиться на родину как тем эмигрантам, которые принимали участие в войне в рядах Красной армии или народно-освободительного движения Югославии, так и тем, кто проявлял симпатии к СССР и Красной армии или содействовал в той или иной форме народно-освободительному движению Югославии. Проблему авторства этой записки еще предстоит решить, но, по-видимому, она создавалась не без участия русских эмигрантов, ориентировавшихся на СССР.

В приложении к записке Садчикова находилась значительно более подробная справка «О русской белой эмиграции в Югославии», подписанная заведующим

⁷ Оpubл.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 21.

⁸ Этот и другие далее цитируемые документы из собрания Архива внешней политики СССР МИД РФ были представлены на документальной выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в мае 2015 г.

Проект.

ИНСТРУКЦИЯ

О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР, ли, подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от " " _____ 1946 года.

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от " " _____ 1946 года "О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии," распространяется:

а) на лиц, состоявших к 7 ноября 1917 года в подданстве бывшей Российской империи и на их детей;

б) на лиц, состоявших в советском гражданстве и утративших это гражданство, в том числе на лиц, служивших в белых армиях и эмигрировавших из СССР и на их детей.

2. Лица, изъявившие желание восстановить гражданство СССР, должны в течение срока до 1 июля 1946 года подать в Советское Посольство заявление по установленной форме (см. приложение), и документы, удостоверяющие личность заявителя и подтверждающие его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству.

Таковыми документами могут быть: паспорт или удостоверение личности, воинский билет, свидетельство о рождении и браке; диплом об окончании учебного заведения и другие документы.

В случае отсутствия у заявителя необходимых документов, его принадлежность к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству может быть подтверждена надлежаще оформленными свидетельскими показаниями других лиц, подавших заявление о восстановлении в советском гражданстве, и известных Посольству.

Ходатайства о восстановлении в советском гражданстве могут подаваться в Посольство СССР заявителем лично, пересылаться по почте или передаваться через третьих лиц.

3. Лиц, принимаемых в советское гражданство в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от " " _____ 1946 года, ввиду длительного их проживания в Югославии и обзаведения хозяйством, оставлять на жительство в Югославии.

Проект инструкции «О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР...» 1946. АВП РФ МИД РФ

консульским отделом посольства Ивановым⁹. В ней уточнялось количество русских эмигрантов — 12 519 человек — и приводилась любопытная демографическая картина. По сведениям консульского отдела, возрастной состав русской эмиграции распределялся следующим образом: в возрасте до 20 лет — 1221 человек, от 20 до 50 лет — 5834 человека и в возрасте свыше 50 лет — 5648 человек; 67,2 % из них были русскими, 18 % — украинцами, остальную часть составляли белорусы, армяне, грузины и т. д. Около 40 % эмигрантов на территории Югославии, по данным посольства, имели югославское гражданство, остальные, то есть 60 % (!), продолжали числиться лицами без гражданства.

В справке также отмечалось, что примерно 25 % русских эмигрантов принимали активное участие в народно-освободительном движении Югославии или симпатизировали ему, а 443 человека служили в Югославской армии на тех или иных командных должностях. Автор справки утверждал, что основная масса проживавших к тому моменту на территории Югославии эмигрантов коренным образом изменила свое отношение к СССР; особенно отмечалась патриотическая позиция русской эмигрантской молодежи и научной и художественной интеллигенции, имевших «большую тягу возвратиться на родину и стать полезными гражданами советского государства».

В то же время в справке уже тогда отмечалось «чрезвычайно тяжелое» положение эмигрантов ввиду подозрительного отношения к ним югославских властей, помнивших «прошлую антисоветскую деятельность русской эмиграции в Югославии и сотрудничество значительной части эмигрантов с оккупантами в период народно-освободительной борьбы». Так, по словам автора справки, многих из остававшихся в Югославии после войны эмигрантов стали автоматически лишать югославского подданства только на том основании, что они являются русскими эмигрантами. «Такое отношение со стороны югославских властей к русской эмиграции объясняется в первую очередь тем, что еще не выяснено отношение к ней со стороны советского правительства» — резюмировал товарищ Иванов.

Ни словом не обмолвившаяся ни о Русском охранном корпусе, ни об участии эмигрантов в иных антипартизанских частях, ни о многом другом из жизни русской белой эмиграции в Югославии записка И.В. Садчикова с резолюцией В.М. Молотова от 10 декабря 1945 г. о необходимости обсуждения предложений посольства была направлена Л.П. Берия, Г.М. Маленкову, А.И. Микояну, А.Я. Вышинскому и заместителю наркома иностранных дел В.Г. Деканозову. Последнему было дано указание подготовить предложения к 12 декабря.

Первый запрос по существу предложений посла был направлен Отделом Балканских стран НКВД наркому госбезопасности СССР В.Н. Меркулову, который очень быстро ответил (15 декабря 1945 г.): «НКГБ СССР не возражает против постановки в Президиуме Верховного Совета Союза ССР вопросов, затронутых в Вашем письме, и в частности о приобретении советского гражданства указанными в письме категориями русской эмиграции в Югославии, путем издания указа Президиума Верховного Совета Союза ССР аналогично существующему по

⁹ Вероятно, имя мифическое.

Маньчжурии. Въезд в Советский Союз этих лиц следует рассматривать на общих основаниях после приобретения ими советского гражданства».

«Югославское досье» НКВД содержало и еще один любопытный документ — письмо В.Г. Деканозова В.М. Молотову, датированное 22–25 февраля 1946 г. и написанное в момент смены советского посла в Белграде¹⁰. Здесь, со ссылкой на сведения все того же И.В. Садчикова, докладывалось, что число русских эмигрантов, принимавших участие в борьбе против Германии в рядах народно-освободительного движения Югославии, помогавших ему или проявивших в период германо-советской войны симпатии в отношении СССР, составляет примерно 3000–3800 человек. Остальных русских эмигрантов В.Г. Деканозов уже называл колеблющимися или политически неустойчивыми лицами. Ссылаясь на известное мнение В.Н. Меркулова, Деканозов также предлагал издать указ о восстановлении в советском гражданстве русских эмигрантов, проживающих в Югославии, но уточнял: «Однако въезд этих лиц в Советский Союз может допускаться после приобретения ими советского гражданства лишь на общих основаниях, т. е. по визам, выданным с разрешения центра». К письму были приложены проекты постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии», а также инструкции СНК СССР «О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР лиц, попадающих под действие указа Президиума Верховного Совета СССР...».

Стартовый механизм для рассмотрения просьб о гражданстве СССР по видимости был прост — при посольстве СССР в Югославии создавались «тройки» из представителей НКВД СССР и НКГБ СССР под председательством заведующего консульским отделом посольства. Решение комиссии оформлялось протоколом и направлялось в консульский отдел НКВД СССР. Если комиссия удовлетворяла ходатайства, то заведующий консульским отделом посольства без запроса НКВД СССР мог выдавать заявителю советский заграничный вид на жительство. Главный вопрос — о въезде в СССР — должен был решаться с разрешения НКВД в каждом отдельном случае «в установленном порядке».

Между тем путь на родину подавляющему числу эмигрантов был фактически запрещен третьим пунктом инструкции СНК СССР, гласившим: «Лиц, принимаемых в советское гражданство в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от <14 июня> 1946 г., ввиду длительного их проживания в Югославии и обзаведения хозяйством оставлять на жительство в Югославии»¹¹.

К ноябрю 1946 г. посольство СССР в Югославии получило около 300 письменных заявлений от русских эмигрантов с просьбой о приобретении советского гражданства. Но никто из них, конечно, не знал, что им уготовлена судьба заложников сталинской политики на Балканах.

¹⁰ На место И.В. Садчикова в марте 1946 г. был направлен А.И. Лаврентьев (1904–1984), который руководил советским посольством до 16 августа 1949 г.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1484. Л. 39.

В МОСКВУ, В МОСКВУ!

Последствия этой политики одним из первых ощутил на собственном опыте И.Н. Голенищев-Кутузов, в феврале 1945 г. написавший заявление представителю уполномоченного СНК СССР по вопросам репатриации с просьбой о возвращении на родину и ставший гражданином СССР в августе 1946 г. [опубликовано: Ёхина 2015а, с. 192–194]. Примерно к марту 1948 г. Министерство высшего образования СССР уже предлагало ему место преподавателя истории французской литературы в самом престижном учебном заведении СССР — Московском государственном университете¹². Инициатива министерства выглядит тем более удивительной, что никто из русских научных «возвращенцев» того времени, за исключением молодого Н.И. Толстого, не получал подобных обещаний.

Однако оформление, а точнее неоформление, въездной визы, затянувшееся более чем на семь месяцев, привело к тому, что с началом политического конфликта между властями СССР и Югославии положение И.Н. Голенищева-Кутузова, который после войны служил в советских учреждениях в Белграде, оказалось весьма трудным. Отсутствие жалования и лишение продовольственных карточек, «невыносимая» атмосфера в Белграде — это лишь небольшая часть жалоб ученого, которые он направлял в Москву и которые обсуждалась на уровне Отдела внешней политики ЦК ВКП(б). Некоторые сотрудники аппарата ЦК (В.В. Мочалов, В.В. Мошетов) пытались помочь Голенищеву-Кутузову, однако советской визы он так и не получил и 22 июня 1949 г. был в третий раз арестован югославскими властями по обвинению в шпионаже в пользу СССР и подрывной деятельности против Югославии. Два года ученый находился в тюрьме под следствием, в августе 1951 г. осужден Белградским окружным судом на четыре года заключения и до июня 1953 г. отбывал его в городе Сремска-Митровица.

После освобождения еще в течение года И.Н. Голенищев-Кутузов находился под надзором полиции и не мог получить разрешения на выезд от югославских властей. В этот период, с марта по август 1954 г., он числился преподавателем иностранных языков в посольстве СССР в Белграде и только 28 сентября 1954 г. выехал в Будапешт, где проживала его семья, высланная из Югославии в 1950 г. Разрешение на въезд в СССР ученый получил 14 апреля 1955 г.¹³ и 6 июня того же года вместе с женой Ольгой (1912–1983) и матерью Верой Александровной (1877–1961) вернулся в Москву.

Наверное, более подходящего момента, чем лето 1955 г., для возвращения на родину нельзя было и желать. Через два года после кончины великого кормчего и стремительно расширявшейся политической и интеллектуальной «оттепели» страна, в которую приехал И.Н. Голенищев-Кутузов, и прежде всего ее научная элита, дышала надеждами: возвращались узники сталинских лагерей, появилась новая художественная проза вроде «Не хлебом единым» В.Д. Дудинцева, сопрово-

¹² АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 1136. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 22 об.

ждавшаяся бурными литературными дебатами и переизданиями во многих странах, стали публиковаться и мемуары бывших русских эмигрантов...

В течение полутора месяцев, буквально с космической скоростью, Голенищев-Кутузов получил статус советского научного сотрудника. 9 июля 1955 г. директор ИМЛИ АН СССР И.И. Анисимов от имени дирекции института просил бюро Отделения литературы и языка АН СССР — «если это представляется возможным» — утвердить Илью Николаевича в должности старшего научного сотрудника по сектору зарубежных литератур¹⁴. Решение бюро ОЛЯ АН СССР состоялось через две недели, 26 июля, и за подписью и.о. академика-секретаря члена-корреспондента АН СССР С.Г. Бархударова было отправлено в ИМЛИ, где 29 июля вышел приказ № 128 — зачислить с 15 июля с окладом 3000 рублей¹⁵.

Сразу после эпохального XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» и «перегибы» сталинского режима, коллеги-филологи начали кампанию по восстановлению ученой степени белградского возвращенца. 27 апреля 1956 г. все тот же директор ИМЛИ АН СССР И.И. Анисимов от имени дирекции института обратился в Президиум ВАК с просьбой «рассмотреть вопрос о присвоении в порядке переаттестации по совокупности исследовательских работ ученой степени кандидата филологических наук и звания профессора старшему научному сотруднику Института И.Н. Голенищеву-Кутузову»¹⁶. Блестящие отзывы, сопровождавшие это письмо, — от заместителя директора Пушкинского Дома АН СССР и руководителя сектора взаимосвязей русской и зарубежной литературы члена-корреспондента АН СССР М.П. Алексеева и члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского¹⁷ — не оставляли сомнений в высоком научном авторитете Голенищева-Кутузова среди советской филологической элиты.

8 июня 1956 г., вопреки формальным процедурам — без решения ученого совета ИМЛИ — Президиум ВАК направил «дело» по присвоению И.Н. Голенищеву-Кутузову ученой степени кандидата филологических наук по совокупности работ на рассмотрение Экспертной комиссии ВАК по литературоведению во главе с известным пушкинистом членом-корреспондентом АН СССР Д.Д. Благим. Всего через шесть дней, 14 июня, оно было доложено на заседании этой комиссии заведующим отделом истории зарубежной литературы ИМЛИ АН СССР профессором Р.М. Самариним, а еще через две недели, 29 июня, Президиум ВАК, рассмотрев положительное заключение ЭК, постановил передать дело на Пленум ВАК с мнением утвердить решение ЭК¹⁸.

И только после того, как 2 июля 1956 г. Пленум ВАК одобрил присвоение степени кандидата филологических наук и звания профессора И.Н. Голенищеву-

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 29а.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 73. Д. 150а. Л. 50.

¹⁷ В своем отзыве В.М. Жирмунский изящно назвал эмигрантский период Голенищева-Кутузова «долговременным пребыванием в Югославии», позволившим ему «получить солидную научную подготовку и по второй своей специальности — славянской филологии» (Там же. Л. 32).

¹⁸ Там же. Л. 7.

Кутузову, аппарат ВАК запросил руководство ИМЛИ АН СССР «предоставить решение об этом Совета <ИМЛИ>, принятое тайным голосованием, протокол счетной комиссии, справку по форме № 2, явочный лист и справку о занимаемой должности И.Н. Голенищевым-Кутузовым» — к 15 июля¹⁹. Конечно, выполнить это предписание в разгар дачно-летнего сезона было невозможно — зато необходимые документы удалось собрать к 12 октября 1956 г., когда в Москве состоялось заседание Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. Стенограмма заседания демонстрирует полное единодушие присутствовавших членов совета — пятнадцать «за» при одном недействительном бюллетене²⁰. Еще через месяц, 17 ноября, ВАК утвердил это решение²¹, а выписка из стенограммы его заседания показывает, что и здесь был задан всего один вопрос — почему Голенищеву-Кутузову присуждается ученая степень кандидата, а не доктора?

Докторскую диссертацию он защитит через несколько лет, в июне 1960 г., в Пушкинском Доме. Но ни членом-корреспондентом, ни действительным членом советской Академии наук уже не станет...

Сокращения

АН СССР — Академия наук СССР
 ВАК — Всесоюзная аттестационная комиссия
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького
 КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
 МИД РФ — Министерство иностранных дел Российской Федерации
 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка
 РАН — Российская академия наук
 ЭК — Экспертная комиссия

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии
 АРАН — Архив Российской академии наук
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Арзамаскин 2001 — *Арзамаскин Ю.* Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001.

Арсеньев 2010 — *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Дубровнике // *Новый журнал.* 2010. Кн. 260.

Ашнин, Алпатов 1994 — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 73. Д. 150а. Л. 49.

²⁰ Там же. Л. 44–47.

²¹ Там же. Л. 1.

- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 2010.
- Голенищев-Кутузов 2004а — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Благодарю, за все благодарю: Собр. стихотворений / сост., подгот. текста, примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой; предисл. С. Гардзонио. Pisa; Томск-М., 2004.
- Голенищев-Кутузов 2004б — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Лики времени: Парижские эссе / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2004.
- Голенищев-Кутузов 2005 — *Голенищев-Кутузов И.Н.* От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2005.
- Ёхина 2015а — *Ёхина Н.А.* «История русского Сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.
- Ёхина 2015б — *Ёхина Н.А.* «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: К истории Союза советских патриотов в Белграде» // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 203–237.
- Ёхина 2017 — *Ёхина Н.А.* «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах — членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны // Люди и судьбы русского зарубежья. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.
- Земсков 2016 — *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952. М., 2016.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. И.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979.
- Кривошеина 1984 — *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984.
- Лаптева 2012 — *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX века. М., 2012.
- Полян 1996 — *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
- Робинсон 2004 — *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- Российская эмиграция 2015 — Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015.
- Сорокина 2004 — <С.М.С.> «Не вижу в нем надобности для СССР...» // Природа. 2004. № 7. С. 78.
- Сорокина 2005 — *Сорокина М.Ю.* Снова востоковеды...: Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье» // Диаспора: Новые материалы. Вып. 7. Париж; СПб., 2005. С. 619–682.
- Сорокина 2006 — *Сорокина М.Ю.* «Невозвращенцы», или Как Сергей Чахотин вернулся в СССР // Третьи чтения памяти В. Иофе. Право на имя: Биография вне шаблона. 22–24 апреля 2005: Сб. докладов. СПб., 2006. С. 73–87.
- Сорокина 2007 — *Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину // Природа. 2007. № 3. С. 69–77.
- Сорокина 2012 — *Сорокина М.Ю.* Пересекая границы: российские ученые-эмигранты — члены Сербской академии наук и искусств // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.). Белград, 2012. С. 69–77.
- Струве 1996 — *Струве Г.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996.
- Тимофеев 2010 — *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии 1941–1945. М., 2010.

- Толстая 2015 — *Толстая С.М.* Никита Ильич Толстой (1923–1996): гимназист — солдат — академик // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 272–304.
- Угримов 2004 — *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.
- Шостаковский 1960 — *Шостаковский П.П.* Путь к правде: Воспоминания. Минск, 1960.